

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700

Еще раз о русских словах *свобода* и *воля*

А.Д. Шмелев

Московский педагогический государственный университет
Малая Пироговская ул., 1, Москва 119991

Аннотация

В статье рассматриваются русские слова *свобода* и *воля* и их производные (*свободный*, *вольный*, *вольность* и т.д.) как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Делается попытка развить и уточнить анализ этих слов, предложенный в работах Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1997: 138—148, 154—155) и в моих работах (Шмелев 2003; 2013). В статье анализируется пространственное измерение семантики рассматриваемых слов, противопоставление этих слов до революции, их семантическое развитие в советское время и их современный семантический статус. Учитывается также роль метаязыковых комментариев носителей русского языка по поводу семантики этих слов. Особое внимание уделяется роли указанных слов в романе Александра Солженицына «В круге первом» и проблеме их перевода на другие языки. Кроме того, кратко рассматривается употребление этих слов в переводах на русский язык (по данным параллельных подкорпусов НКРЯ). Исходной точкой анализа служит положение, согласно которому переводные эквиваленты лингвистической единицы, извлеченные из реальных текстов, могут использоваться как источник сведений о ее семантике. Этот подход представляется особенно эффективным, когда мы имеем дело с лингво-специфичными словами. Переводы на русский язык даже более показательны в этом отношении: когда мы имеем дело с переводом с русского языка, выбор переводного эквивалента часто зависит от метаязыковой рефлексии переводчика, тогда как появление лингвоспецифичного слова в переводном тексте чаще всего отражает «наивный» выбор слов как часть «естественной» языковой деятельности.

Ключевые слова: лексическая семантика, лингвокультурология, ‘свобода’, лингвистические корпусы, перевод, Солженицын

Russian Words for ‘freedom’ Revisited

Alexei Shmelev

Moscow Pedagogical State University
1 Malaia Pirogovskaia St., Moscow 119991, Russia

Abstract

The paper deals with the Russian words referring to ‘freedom’ (*svoboda*, *volia*, and their derivatives *svobodnyj*, *vol’nyi*, *vol’nost’*, etc.) in both synchronic and diachronic aspects. I seek to elaborate and to refine the analysis given in some earlier publications (by Anna Wierzbicka and by myself). The paper analyzes the spatial dimension of the semantics of the words under consideration, the contrast between *svoboda* and *volia* before the Revolution, their semantic development during Soviet times and their current semantic status. It also considers metalinguistic comments on their semantics by Russian speakers. I make special reference to the role of these words in *The First Circle* by Alexander Solzhenitsyn and the problem of

their translation into other languages. In addition, I briefly consider the use of the words in question in the translations of various texts into Russian (with reference to the parallel corpora of the Russian National Corpus). The starting point for such an analysis is the assumption that one may regard translation equivalents and paraphrases of a linguistic unit extracted from real translated texts as a source of information about its semantics. This approach is particularly efficient in case of language-specific words that defy translation. Translations into Russian may be even more revealing in this respect: when Russian is the source language, the choice of a paraphrase depends on the translator's meta-linguistic reflection while an occurrence of a Russian language-specific expression in the target text, more often than not reflects a "naïve" choice of words as a part of "natural" linguistic activity.

Keywords: *lexical semantics, cultural linguistics, freedom, linguistic corpora, translation, Solzhenitsyn*

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, в русском языке есть два слова, соотносимых с общим понятием «свободы»: *свобода* и *воля*. Сам факт наличия двух разных слов для выражения идеи «свободы», значение каждого из них и семантическое соотношение между ними издавна привлекали внимание писателей, философов, публицистов¹. Чаще всего высказывалась мысль, что *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, тогда как в слове *воля* выражено специфически русское понятие, ассоциируемое с «широкими русскими просторами» (целый ряд высказываний такого рода я уже приводил в более ранних публикациях²). В соответствии с этой точкой зрения, по сравнению с *волей*, *свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души», сформировавшейся под влиянием широких пространств. Характерно рассуждение П. Вайля и А. Гениса о героине драмы Островского «Гроза»:

- Катерине нужен не сад, не деньги, а нечто неуловимое, необъяснимое — может быть, воля. Не свобода от мужа и свекрови, а воля вообще — мировое пространство.

Когда специально подчеркивается различие *свободы* и *воли*, нередко отмечается, что представление о *воле* плохо укладывается в философию либерализма, но зато ближе восприятию мира русского крестьянина. Иными словами, *свобода* предполагает законность и порядок, а *воля* — отсутствие каких-либо ограничений. Можно в связи с этим упомянуть еще одно рассуждение П. Вайля и А. Гениса на ту же тему:

- Радищев пишет о свободе — Пугачев о воле. Один хочет облагодетельствовать народ конституцией — другой землями и водами. Первый предлагает стать гражданами, второй — степными зверями. Не удивительно, что у Пугачева сторонников оказалось значительно больше.

¹ "Actually, the Russians have two excellent words for 'freedom': *svoboda*, a general and political term, and *volya*, existential, inner freedom, liberty, licence, the exercise of one's will." [Milner-Gulland 1997, p. 228].

² См., в частности, (Шмелев 1997: 486—487; 2000: 363—366). Разумеется, приводимые ниже высказывания по большей части сделаны не профессиональными лингвистами, а просто носителями языка, хотя подчас далеко не рядовыми. Поэтому некоторые из таких замечаний не могут не показаться «наивными» и преувеличивающими «специфичность» русского представления о *воле* и его связь с «широкими просторами».

Сходным образом рассуждал и Д. Орешкин, который писал в статье «География духа и пространство России», опубликованной в журнале «Континент» (1992, № 74):

- Свобода означает свод цеховых правил и признание того, что твой сосед имеет не меньше прав, чем ты. [...] «Свобода» — слово городское.
Иное дело воля. Она знать не желает границ. [...] Не говорите воле о чужих правах — она не поймет. [...] Слово степное, западному менталитету глубоко чуждое.

Далее, развивая мысль Фазиля Искандера, в соответствии с которой Пушкин — это «дом», а Лермонтов — «ключевая вода бездомья», Д. Орешкин продолжает:

- Пушкин [...] был скорее певцом свободы. Лермонтов — воли. И если дворянская политическая оппозиция в России всегда исходила из осознанной или интуитивной концепции свободы, то есть некоторого договора с самодержавием, регламента, конституции, парламента, то чаяния простого народа со всей определенностью тяготели к воле. Именно волю обещали Разин с Пугачевым.

В таких рассуждениях *свобода* воспринимается как общеевропейское или даже универсальное, общечеловеческое понятие.

Можно сослаться также на рассказ Тэффи «Воля», в котором различие между *свободой* и *волей* эксплицируется сходным образом:

- Воля — это совсем не то, что свобода.
Свобода — *liberté*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной.
«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается.
«Воля» непереводима.
[...]
Свобода законна.
Воля ни с чем не считается.
Свобода есть гражданское состояние человека.
Воля — чувство.

Разумеется, утверждение об универсальности понятия ‘свободы’ или даже о том, что это понятие является «общеевропейским», представляет собою явное преувеличение. Ясно, что, когда Тэффи говорит, будто «„свобода“ переводится на все языки и всеми народами понимается», это не предполагает, что она действительно произвела проверку по всем языкам мира. Да и внутри европейского ареала можно видеть, что ни одно из двух английских слов *freedom* и *liberty* не совпадает по смыслу, скажем, с французским *liberté*³. Впрочем, в целом мысль,

³ Здесь можно сослаться на проведенный Анной Вежбицкой блистательный анализ английских слов *freedom* и *liberty* и их аналогов в ряде других языков, в том числе русских слов *свобода* и *воля*, латинского *libertas* и польского *wolność* (Wierzbicka 1997: 125—155). Можно упомянуть также, что А. Вежбицкая связывает семантическое развитие английского слова *freedom* с некоторыми общими изменениями культурных скриптов, характерных для англоязычной культуры (Wierzbicka 2006: 203).

содержащаяся в приведенных отрывках (и во множестве подобных), вполне понятна: для выражения абстрактного понятия общелиберального дискурса слово **свобода** подходит значительно больше, нежели русское слово **воля**. Это, разумеется, не случайно, и лингвистическое описание слов **свобода** и **воля** позволяет объяснить этот факт.

Существует целый ряд лингвистических публикаций, посвященных семантическим особенностям русских слов **свобода** и **воля**⁴. Однако, как кажется, в этих публикациях отражены не все аспекты функционирования этих слов в разных видах русского дискурса. Кроме того, для взвешенной оценки семантического ореола русских слов **свобода** и **воля** полезно обратиться к истории этих слов и стоящих за ними жизненных установок.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЛЕ

Как известно, слово **воля** восходит к общеиндоевропейскому корню со значением ‘желание’. В древности оно предполагало, среди прочего, возможность поступать в соответствии со своими желаниями, не считаясь с установившимся порядком, и противопоставлялось **миру**, предполагавшему гармонию, согласие и порядок — иными словами, **мир и лад**. Современные значения звукового комплекса **мир** (‘вселенная’, ‘отсутствие войны’, ‘крестьянская община’) можно рассматривать как модификацию этого исходного значения. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу, **космос**. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась — **мир**. Общинная жизнь строго регламентирована, и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается как своего рода «беспорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на **волю**», получить возможность делать все, что хочется, поступать по своей **воле** (Шмелев 2003: 55—56).

Можно полагать, что в архаичной модели мира **мир** соответствовал привычной норме, а **воля** — непредсказуемым отклонениям от нормы (упомянем сопоставление **мира** и **воли** в историческом аспекте в статье (Топоров 1989: 43—52)). Оно соответствует архаическому противопоставлению космоса и хаоса, порядка и анархии; **мир** выступает как «свое», обжитое, устроенное пространство, а **воля** —

⁴ Помимо уже названных, стоит упомянуть статьи, печатавшиеся в разные годы в сборниках «Логический анализ языка», в частности (Кошелев 1991; Арутюнова 2003; Урысон 2004а), а также словарную статью «Нового объяснительного словаря синонимов» (Урысон 2004б). Заметим, что и в настоящее время продолжают появляться работы, в которых авторы описывают те или иные стороны функционирования русских слов **свобода** и **воля**.

Отдельного упоминания заслуживает словарная статья «Воля» в пятитомнике «Славянские древности» (Гура 1995). В ней отмечается связь **воли** в славянских народных культурах с социальным статусом субъекта **воли**: а именно, **воля** связывается с девичеством в его противопоставлении замужеству. Отсюда две почти противоположные коннотации **воли**: с одной стороны, она может ассоциироваться со свободной жизнью до брака, когда **вольная** девушка *гуляет*, где хочет, а с другой — с целомудрием и девственностью.

как пространство «чужое», неустроенное, но которое может быть желанным, поскольку «свое» пространство и господствующий в нем порядок начинает тяготить субъекта.

По-видимому, для церковнославянского, а впоследствии и русского языка использование для значений ‘покой, порядок, мирная жизнь’ и ‘вселенная; общество’ одного и того же звукового комплекса было результатом не стихийной семантической эволюции, а смелого переводческого решения Мефодия и Кирилла. Дело в том, что как в тексте Писания, так и в богослужебных текстах часто соплагаются греческие слова *εἰρήνη* ‘спокойствие, мирная жизнь’ и *κόσμος* ‘вселенная; миропорядок; человеческое сообщество’. В славянском переводе обоим греческим словам, четко различающимся по смыслу, было поставлено в соответствие одно и то же слово *мир*. Этот звуковой комплекс выражает оба смысловых комплекса и в современном русском языке, но соответствующие слова воспринимаются как омонимы⁵.

Указанные две группы значений примерно с XVII в. стали различаться и орфографически: в дореформенной орфографии, действовавшей до 1918 г., написание *миръ* соотносилось с отсутствием войны, спокойствием, мирной жизнью, а *миръ* — со вселенной или человеческим обществом. Распад слова *мир* на два омонима несколько изменил противопоставление *мира* и *воли*. Если *мир* как отсутствие войны, вражды, беспокойства (*миръ*) целиком остается в сфере *лада* и гармонии, то *мир* как Вселенная (*миръ*) или общественное устройство вовсе не обязательно связан с гармонией. Когда мы говорим о мироздании в целом, то напрашивается ассоциация с *простором*. Так, напр., говорят о *бескрайних просторах Вселенной*.

Но *простор* устойчиво ассоциируется не с *миром*, а с *волей*. Вот толкование соответствующего значения слова *воля* из словаря Даля: «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения». Ассоциация *воли* и *простора* отмечалась многими авторами. Приведем рассуждение Д.С. Лихачева:

- Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством.

С другой стороны, в русской культуре издавна укоренена и ассоциация *покоя* не с *миром* и *ладом*, а с *простором* и *волей*. Часто бывает так, что человек убегает из беспокойного, суматошного и неудобного мира *на волю* или *на простор*

⁵ Заметим, что переводческое решение Первоучителей не было единственно возможным. Данные других славянских языков показывают, что можно было бы найти ресурсы для различного перевода двух греческих слов. Так, в польском языке смысл ‘отсутствие войны, мирная жизнь’ передается словом *pokój*, а смысл ‘вселенная; человеческое сообщество’ — словом *świat*. Собственно, и русские аналоги *покой* и *свет* вполне употребительны в соответствующих значениях: *весь мир* ≈ *весь свет*; *На душе мир* ≈ *На душе покой*.

и там обретает желанный **покой**. Собственно, об этом и говорят знаменитые пушкинские строки:

- На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Простор тогда никак не мешает **покою**; наоборот, он служит своего рода гарантией, что **покой** не будет нарушен неожиданным вмешательством со стороны. Поэтому по-русски вполне естественно звучит некрасовская формула **покой и простор**. При этом **простор** дает не только ощущение покоя, но и желанную свободу. Это и создает базу для замены противопоставления **мира** и **воли** объединением **покоя** и **воли**.

Круг ассоциаций, которые возникли у слова **воля** и его производных, связан с широкими просторами, на которых можно делать, что душе угодно, поскольку нет каких бы то ни было законов и правил, стесняющих свободу (примечательно, что ограничение свободы описывается в русском языке словами, связанными с теснотой, напр. **притеснять**). Соответственно, и широкие просторы вызывают в сознании представление о **воле**, на котором можно **разгуляться**: ...*Нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле* (Михаил Лермонтов, *Бородино*). Не случайно в русском языке есть устойчивое выражение **на вольном воздухе**, означающее 'вне дома' или 'вне города':

- Илья Ефимович <...> любил, чтобы Чуковский читал и его гостям, в столовой или на вольном воздухе... (Лидия Чуковская)
- Мне и самому за городом на вольном воздухе играть веселее. (Самуил Маршак)

Мы помним, что многие черты характера Захара из романа Ивана Гончарова «Обломов» объяснялись тем, что он получил воспитание и приобретал манеры «не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе». В этой цитате соединяются представления о **покое**, **просторе** и **воле**, которые противопоставляются **тесноте кабинетов и будуаров**.

Само выражение **на воле** отражает представление об открытом пространстве, в котором человек может передвигаться как ему угодно; при этом не предполагается наличие каких-либо расчерченных дорог. **Воля** противопоставляется закрытому помещению, в том числе жилью. Ср.:

- И та же смесь огня и жути
На воле и в жилом уюте...
Борис Пастернак

Однако более характерно противопоставление воли не **жилому уюту**, а **неволе**, т.е. помещению, в котором кого-то удерживают насильно: темнице, тюрьме, застенку. Само выражение **на воле** означает нахождение снаружи, вне этого закрытого помещения. Характерные сочетания — **отпустить на волю**, **выйти**

на волю, вырваться на волю. Именно это восприятие метафорически отражено в стихотворении Пастернака «Нобелевская премия»:

— Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Отсюда несимметричность в употреблении предлогов со словами **воля** и **неволя**: мы говорим **на воле**, но **в неволе**. Предлог **на** связан с представлением о **воле** как об открытом пространстве; предлог **в** — с представлением о **неволе** как о закрытом помещении.

При этом **воля** сохраняет представление о несовместимости с каким бы то ни было, даже разумным ограничением (Урысон 2004а: 699). Она по своей природе безусловна. Именно поэтому слово **воля** не может использоваться в контекстах, в которых речь идет о каком-то аспекте свободы: **свобода слова, свобода вероисповедания**, но не ***воля слова, *воля вероисповедания**. Говорить о воле неуместно, когда речь идет о снятии каких-то конкретных ограничений или помех, поэтому аномально **воля от** вместо **свобода от** (Wierzbicka 1997: 146).

Воля несовместима с порядком. Как писал В.Н. Топоров (1989: 51), она «всегда экстенсивна, дика, своенравна». И далее: «Воля — минутный выход, порыв, бегство от беды и несчастья, но она не воспитывает, не возвращает человека, не увеличивает духовности. [...] Алкание воли, порывы к ней понятны как физическая невозможность жизни среди тягот распадающегося и угнетаемого чуждыми силами мира, но эта тяга к воле деструктивна...»⁶.

История некоторых выражений, восходящих к **воле** в значении ‘ничем не ограниченная свобода’, заслуживает отдельного обсуждения. Так, слово **вольность** во второй половине XVIII и в XIX веке использовалось в значении ‘политическая свобода, независимость’ (напр., у Александра Грибоедова: *Он вольность хочет проповедать!*)⁷, а также для указания на особую льготу, преференцию (*Указ о вольности дворянства*). Однако оба этих значения устарели, и в настоящее время слово **вольность**, как правило, указывает на отступление от принятых норм или правил (*поэтическая вольность*) — особенно часто, когда подразумеваются нормы приличия.

Прилагательное **вольный** также использовалось (и отчасти продолжает использоваться) преимущественно в тех случаях, когда речь шла об отклонении от общепринятых норм или правил. Сочетание **вольный хлебопашец** указывало на крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, в которой находилась основная часть крестьянства. **Вольный стих** (его следует отличать от «свободного стиха», или *vers libre*) — это стих, не подчиняющийся правилу равных стоп силлабо-тонического стихосложения. **Вольный перевод** — перевод, по смыслу

⁶ Ср. также: «Неограниченная воля как личная свобода человека часто оценивается негативно» (Гура 1995: 430). И там же А.В. Гура пишет, что **воля** может ассоциироваться с похотью, гульбой, разгулом, буйством, произволом, разбоем и даже с нечистой силой.

⁷ Здесь вероятно влияние польского слова *wolność*.

отклоняющийся от оригинала (нормой принято считать соответствие перевода оригинальному тексту). *Вольная трактовка* чьих-то слов предполагает определенное несоответствие тому, что изначально в эти слова вкладывалось. *Вольный стиль* плавания, *вольная борьба* отличаются тем, что не спортсмена не накладываются некоторые ограничения, принятые в других разновидностях плавания и борьбы. Сочинение на *вольную тему* противопоставляется сочинению на заданную тему, которую надо «раскрыть» в соответствии с принятыми правилами. *Вольные шутки* или *вольные позы* не подчиняются принятым правилам приличия⁸.

Именно отсутствие ограничений, налагаемых обществом, является определяющим для прилагательного *вольный*, и в этом оно наследует свойства производящего *воля*. Выражения *вольные звери*, *вольные птицы*, *вольный ветер* используются в силу того, что звери и птицы, а также ветер по своей природе не подчиняются каким-либо ограничениям (как известно, «ветру и орлу... нет закона»). Мы можем говорить о *вольном житье* в молодости, если полагаем, что молодые люди не связаны обязательствами и могут делать, что хотят, независимо от внешних ограничений. *Вольная жизнь* в лесу не ограничена внешними условиями и позволяет человеку делать то, что он хочет. Выражение *вольные беспризорники* основано на том, что они полностью выпадают из системы общественных ограничений.

Многие сложные слова с первой частью *вольно-* выражают ту же идею отклонения от принятых правил и ограничений: *вольнослушатель* (т.е. человек, персону, посещающий высшее учебное заведение, но не имеющий прав и обязанностей обычного студента), *вольнонаемный* (т.е. ‘работающий по найму’, не состоящий на службе и тем самым свободный от налагаемых ею ограничений)⁹.

Об специфической эволюции прилагательного *вольный* и его производных в советское и постсоветское время речь пойдет в одном из следующих разделов.

3. СВОБОДА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ВОЛЕ

Свобода может рассматриваться как альтернатива *воле*. «Воле, кроме смерти, которая тоже есть воля, существует лишь одна альтернатива — свобода. Она в отличие от воли конструктивное начало, коренящееся в мире, но не рвущееся из него „на волю“, а, напротив, углубляющееся внутрь...» (Топоров 1989: 51)¹⁰. *Свобода* и *воля* могут прямо противопоставляться. Как говорит Федя Протасов в «Живом труп» Льва Толстого в связи с цыганским пением, «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...».

⁸ Совсем особняком стоит воинская команда «Вольно!» ‘at ease’, указывающая на возможность частично расслабиться, а вовсе не на неограниченную свободу.

⁹ У устаревших слов *вольнодумство* и *вольнодумец*, указывающих на то, что человек не следует принятому в обществе образу мыслей, имеется коннотация критического отношения к господствующим порядкам.

¹⁰ Мысль, что *свобода*, в отличие от *воли*, обращена внутрь, встречается у целого ряда авторов — см., в частности (Арутюнова 97).

Свобода, как и **воля**, в русском сознании может связываться с **простором**. Показательно толкование слова **свобода** из словаря Даля (**простор** в нем упоминается трижды):

- ...Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода — понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству.

Однако, в отличие от **воли**, **свобода** предполагает порядок, хотя порядок, не столь жестко регламентированный. Не случайно слово **свобода** этимологически связано со словом **свой**, т.е. в противопоставлении **своего**, освоенного и чужого, неосвоенного связывается именно со **своим** — т.е., в архаичных терминах, скорее с **миром**, чем с **волей** (заметим, что элемент **fri-* со значением личной принадлежности используется в германских языках для обозначения как свободы, так и мира [Топорова 1994: 105]). При этом, если **мир** в русской культуре концептуализовался как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то **свобода** ассоциировалась скорее с жизнью в городе (недаром название городского поселения **слобода** этимологически тождественно слову **свобода**, отличаясь от него лишь вследствие диссимиляции губных согласных звуков). Но если сопоставление **свободы** и архаического **мира** предполагает акцент на том, что **свобода** означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении **свободы** и **воли** часто делается акцент на том, что **свобода** связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал когда-то Василий Жуковский). **Свобода** означает право делать то, что человеку представляется желательным, но это право ограничивается законами, защищающими права других людей¹¹; **воля** вообще никак не связана с понятием права. Не случайно словосочетание «**Народная воля**» стало названием террористической организации (в частности, именно на ней лежит ответственность за убийство императора Александра II)¹², а название **партия Народной свободы** относилось

¹¹ Этому не противоречит то, что, как отметила А. Вежбицкая со ссылкой на Владимира Вейдле и Андрея Амальрика, любая конкретная правовая норма может оцениваться носителями русской культуры как ограничение **свободы** (Wierzbicka 1997: 142).

¹² Террористическая организация «Народная воля» возникла в 1879 г. в результате раскола революционной группировки «Земля и воля». При этом название «Земля и воля» обычно передается по-английски как *Land and Liberty* (несмотря на существенные семантические отличия русского слова *воля* и английского *liberty*). Именно так — *Land and Liberty* — называется глава 11 фундаментального исследования (Yarmolinsky 1956). Напротив того, название организации «Народная воля» часто переводится как *People's Will*, в том числе в названии главы 12 указанной книги, хотя в ней признается: “The term *volya* means ‘freedom’ as well as ‘will’” (а на мой взгляд, *воля* в названии этой организации употребляется в значении ‘freedom’, а не ‘will’). Эти же переводы: *Land and Liberty* и *People's Will* — упоминаются во введении к книге (Offord 1986: xv), хотя на протяжении всей книги автор предпочитает оставлять указанные русские наименования без перевода и просто транслитерировать их.

к партии либерально мыслящих, хотя и радикально настроенных профессоров (другое название — *Конституционно-демократическая партия*, или «кадеты») ¹³.

Связь *свободы* с подчинением («подчиненностью одному закону», в соответствии с цитированным выше высказыванием Жуковского) объясняет невозможность употребления этого слова в ситуации, когда ни о каком подчинении не может быть речи. Дети могут пользоваться у родителей полной свободой, но нельзя, иначе как в шутку, сказать: «Родители пользовались у детей полной свободой».

На связь свободы с иерархичностью общества со всей определенностью указывал главный «рыцарь свободы» в истории русской общественной мысли — Николай Бердяев (в «Новом средневековье»). По Бердяеву, попытка устранить иерархию и подчинение приводит лишь к извращенной иерархии и тотальной несвободе, как это произошло в России при коммунизме (обращает на себя внимание сочетание *космический лад вселенной*, по существу скрывающее за собою то, что соответствует архаичному понятию *мир*):

- Мы живем в эпоху, когда неизбежен повсюду свободный возврат к иерархическим началам. Лишь иерархические начала свидетельствуют о космическом ладе вселенной. Ведь и коммунизм, антииндивидуалистический, антилиберальный, антидемократический и антигуманистический, по-своему иерархичен. Он отрицает формальные свободы и равенства новой истории и вырабатывает свою сатанократическую иерархию. Он стремится быть лжецерковью и лжесоборностью. И коммунизму нельзя уже противопоставлять антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обоснованную иерархию, подлинную органическую соборность.

Тот факт, что *свобода* предполагает подчинение некоей общей норме, определяет относительный характер свободы. *Свобода* не предполагает возможности делать все, что заблагорассудится; невозможность выйти за пределы общепринятых норм не воспринимается как несвобода ¹⁴. Однако именно как несвобода воспринимается нарушение этих установленных норм со стороны тех, кто наделен властью. Вследствие того, что *свобода* связана с нормой, она сама по себе не приносит ощущения счастья и в обычных условиях воспринимается не как конечная цель устремлений, а лишь как само собою разумеющееся средство достижения такой цели. Однако страдания, причиняемые отсутствием свободы (*несвободой*) могут быть столь велики, что обретение свободы (*освобождение*) может переживаться как счастье и полагаться в качестве конечной цели устремлений. Поэтому ценность свободы обычно остро ощущается теми, кто ее лишен, и иногда прене-

¹³ О кадетской партии см., напр., (Stockdale 1999).

¹⁴ Обращает на себя внимание различие во взаимодействии с отрицанием у *свободы* и *воли*. Если *неволя*, как отмечалось выше, — это замкнутое пространство, из которого субъект не может выбраться на волю, то *несвобода* — это не пространство (нельзя находиться *в несвободе), а положение дел.

брегается теми, кто ею обладает. На это когда-то обратил внимание Вас. Розанов (в журнале «Русский вестник», 1894. № 1):

- Чувство свободы было радостно, пока она была тождественна с высвобождением, сливалась с понятием независимости; был некоторый гнет определенный, тесный, сбросить который было великим облегчением; эпическая борьба, наполняющая собою конец прошлого и первую половину нынешнего века, вся двигалась идеей свободы в этом узком и ограниченном значении: был феодальный гнет — и было радостно высвобождение из-под него; был гнет церкви над совестью — и всякая ирония над нею давала наслаждение. Тысячи движений, из которых сложилась история за это время, движений то массовых и широких, то невидимых и индивидуальных, все были движениями, разрывавшими какую-нибудь определенную путу, какою был стеснен человек, вернее, скреплен с человечеством. И когда эти тысячи движений окончены или близки к концу, побуждение, лежавшее в основе их, правда, носит то же название, но каков его смысл и какова точная цена для человека? Оно обобщилось, стало идеей в строгом смысле и, с этим вместе, потеряло для себя какой-нибудь предмет; с падением всяких пут, что, собственно, значит свобода для человека?

И далее Вас. Розанов продолжал:

- Она испытана, и не то, чтобы в испытании этом оказалась горькою — этого чувства не было; но она оказалась как-то пресна, без особенного вкуса, без сколько-нибудь яркой ошутимости для человека, который после того, как был вчера, и третьего дня, наконец, давно свободен, вдобавок к этому и сегодня свободен. После тысячелетней стесненности чувство свободы было бесконечно радостно; не оно собственно, но момент прекращения стеснения, т.е. ощущение почти физическое; после вековой свободы, когда и вчера ничего не давило меня, какую радость может дать мне то, что и сегодня меня никто не давит? Здесь нет положительного, что насыщало бы; только ничто не томит, не мучит, — но разве это то, что нужно человеку?

Это рассуждение Вас. Розанова вызвало возмущенный отклик Владимира Соловьева (в журнале «Вестник Европы», 1984, № 2), который даже назвал Розанова «Иудушкой» (с отсылкой к Порфирию Головлеву — персонажу романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»). Возражая Розанову, Владимир Соловьев писал:

- Что бы она бы ни значила с падением всяких пут, пока они не пали, идея свободы имеет очень определенное значение и предмет, — именно, она совпадает с потребностью того высвобождения из внешних пут, которое и сам Иудушка должен невольно признать желательным и радостным. Там, где нет никакого гнета и никаких пут, нет и вопроса о свободе; а там, где внешнее искусственное стеснение существует, там и свобода не есть отвлеченная «идея», а натуральная жизненная потребность. Но раз устремившись в свою сферу, т.е. в пустое место, Иудушка не скоро оттуда выйдет; ему непременно нужно поговорить об отрицательном характере свободы вообще. (...) Указывать на неощутимость прошедшего давления в ответ на вопрос о давлении настоящим, толковать о чьей-то вчерашней и вековой свободе, когда дело идет о тех, которые несвободны и сегодня, — вот подлинная Иудушкина манера. Его спрашивают, нужно ли выпустить на чистый воздух людей, задыхающихся в подвале, а он в ответ: что есть чистый воздух? это есть нечто пресное, безвкусное, хотя

и не горькое; в нем нет положительного, что насыщало бы; чистым воздухом никого не накормишь; разве это то, что нужно человеку и т.д. — Этаким бесстыдный пустослов!

Любопытно, что и Вас. Розанов, и Влад. Соловьев ассоциируют *свободу* не столько с выходом из тюрьмы и возможностью идти куда угодно, сколько с освобождением от пут и возможностью дышать чистым воздухом. Правда, Влад. Соловьев образно представляет освобождение как выход из душного подвала, но примечательно, что мучение людей, находящихся в этом подвале, он в первую очередь видит не в невозможности идти куда угодно, а в том, что подвал душный и люди в нем задыхаются. Это хорошо согласуется с наблюдением А. Вежицкой, в соответствии с которым русское слово *свобода* ассоциируется с возможностью дышать полной грудью [Wierzbicka 1997: 140—141]¹⁵.

При этом мы видим, что для обоих философов ценность *свободы* носит по преимуществу отрицательный характер: она ценна не сама по себе, а постольку, поскольку причиняет страдание ее отсутствие, т.е. *несвобода*. При этом мы говорим о несвободе в тех случаях, когда существующие ограничения выходят за рамки того, что мы готовы признать нормативным. Особенно мучительна бывает несвобода, когда она сопряжена не с ограничениями возможности действовать по-своему, делать все, что заблагорассудится, а с принуждением к тем или иным действиям, особенно если эти действия противоречат совести субъекта. Многие ограничения и запреты человек может даже не замечать, если у него не возникло желание совершить запрещенное действие; но, если человек вынужден делать то, чего не хочет, это не может остаться незамеченным. Здесь релевантно другое определение *свободы* по Жуковскому: «Что есть свобода? Возможность произносить слово „нет“ мысленно или вслух». Невозможность сказать «нет» тому, у кого человек находится в подчинении, и есть самое очевидное проявление несвободы.

Высокий ценностный статус слова *свобода* в русском языке хорошо виден по русской поэзии. Один из самых важных текстов в этом смысле — хрестоматийное пушкинское стихотворение «К Чаадаеву». Формулировка *пока свободною горим* из этого стихотворения известна практически каждому носителю русского языка. Не менее важно выражение Пушкина *тайная свобода*. Выражение *тайная свобода*, понятое в том смысле, что человек может быть внутренне свободен, несмотря на отсутствие внешней свободы, оказалось очень важным. Показательно, что Александр Блок его упоминает в своем знаменитом позднем стихотворении «Пушкинскому Дому».

Само слово *свобода* обладает мощным поэтическим потенциалом. Свобода воспевается во множестве русских стихотворений. Яркий пример — стихотворение Николая Огарева, которое так и называется «Свобода». Здесь интересно, что для автора высокой степенью суггестивности и огромной ценностью обладает само слово *свобода*. В последние годы это стихотворение обрело новую жизнь и часто поется на оппозиционных митингах (музыка Евгения Голубенко).

¹⁵ Ср. строку из стихотворения Варлама Шаламова: *Наш спор о свободе, о праве дышать...*

Довольно широко известна песня Юрия Шевчука (ДДТ) «Свобода». Сам автор говорил: «До 1990 года понятие „свобода“ было для меня чем-то светлым, нежным, чистым, хорошим, а в 90-е приобрело трагический оттенок. И в песню это все вошло. Мне недавно сказали, что Солженицын как бы передал мне привет: он сказал, что еще никогда не слышал, чтобы это слово было так спето или вообще произнесено. Это, конечно, высокая оценка. Я был очень рад».

Если говорить о русском роке, то, кажется, еще более популярна песня Валерия Кипелова «Я свободен» (1997, слова Маргариты Пушкиной в соавторстве с Кипеловым)¹⁶. В результате проведенного в 2015 году журналом «Русский репортер» социологического исследования текст песни занял 15-место в топ-100 самых популярных в России стихотворных строк, включающем, в числе прочего, русскую и мировую классику.

Слово *свобода* преимущественно употребляется в единственном числе, поскольку свобода воспринимается как нечто неделимое. Однако с некоторого момента получает распространение употребление слова *свобода* во множественном числе, когда оно начинает указывать на разные аспекты единой и неделимой свободы, как в примере из «Дневников» Ивана Бунина:

- И вдруг слышу голос стоящего рядом со мной бородатого жандарма, который говорит кому-то в штатском, что выпущен манифест свободы слова, союзов и вообще всех «свобод».

Сюда же относится употребление слова *свобода* с ограничивающим прилагательным (*гражданская свобода, личная свобода, политическая свобода*) или несогласованным определением: *свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания*. Многообразие различных аспектов *свободы* заставляет задуматься о том, какие из них более всего важны. Можно процитировать замечание Солженицына, высказанное в предисловии к русскому изданию книги проф. Леонтовича «История либерализма в России». Солженицын специально отметил содержащееся в этой книге «предупреждение, что личная свобода никогда не может осуществляться без имущественной, — отчего и не могут никакие виды социализма дать свободу». В этом же предисловии говорится: «Изложение этой книги заставляет нас также задумываться: не преувеличиваем ли мы значения политической свободы сравнительно с гражданской?»

Когда речь заходит о различных *свободах*, отношение к ним может быть скептическое; «свободы» могут упоминаться как часть политической программы, но ни одна из этих «свобод», как правило, не воспринимается как основополагающая ценность. Характерно замечание А.Ф. Керенского — главного вождя и идеолога русской революции — в эпизоде из книги Вас. Вит. Шульгина «Дни»:

- «...по вашему мнению, что нужно? Что вас удовлетворило бы?» На изборожденном лице Керенского промелькнуло вдруг веселое, почти мальчишеское выражение. «Что?.. Да в сущности немного... Важно одно: чтобы власть перешла в другие руки» (...) «Ну, а еще что надо?» — спросил я Керенского. «Ну, еще там, — он мальчишески, легкомысленно и весело махнул рукой, — свобод немножко. Ну там печати, собраний и прочее такое...»

¹⁶ На эту песню мне указала И.Б. Левонтина.

Конечно, требование «свобод» входило в программу революционеров, но не препятствовало тому, чтобы при их упоминании легкомысленно махнуть рукою и дважды употребить «маркер несущественной детали» — частицу *там* (Шмелев 2007).

Скептическое отношение к «свободам» стало довольно распространенным. Приведем еще несколько цитат из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ):

- Но впоследствии мы приобрели так много всякого рода свобод, что между ними совершенно незаметно проскользнула и свобода шалопайствовать. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши (1863—1874)]
- Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. [П.А. Столыпин. Речь о праве крестьян выходить из общины, произнесенная в Государственном совете 15 марта 1910 года (1910)]

Такие «свободы» могут восприниматься как «вольности», или привилегии, но не гарантировать подлинную свободу личности. Ср. следующий пример из НКРЯ:

- Средневековое общество знает множество «свобод», вольностей, то есть привилегий для лиц и корпораций, но ему совершенно незнакома свобода вообще, то есть свобода личности с ее последствиями. [А.К. Дживелегов. Начало итальянского Возрождения (1908)]

Отсюда возникает противопоставление этих частных «свобод» и «высшей свободы», как в известных строках из песни Булата Окуджавы «Прощание с Польшей»:

- Свобода — бить посуду? Не спать всю ночь — свобода? / Свобода — выбрать поезд и презирать коней?.. / Нас обделила с детства иронией природа... / Есть высшая свобода. И мы идем за ней.

Кроме того, возможно злоупотребление «свободами» или извращение понятия о них, и на это неоднократно указывали самые разные авторы (примеры из НКРЯ):

- Так в нынешнее лукавое время разных свобод, неправильно данных, неправильно понятых, иные и убийство не считают за грех, и прелюбодеяние, и грабительство... [Иоанн Кронштадтский. Дневники (1908)]
- ...законопроекты о «свободе» личности и прочих свободах так своеобразны, что скорее извращают самое понятие о свободах, чем его укрепляют. [А.И. Шингарев. Новая Дума и старые думы // Русская мысль, 1908]

Кроме того, после торжества революции некоторые авторы именно в требовании свобод (и «гражданских прав») увидели причину этого торжества, и это, конечно, не прибавляло симпатий к «свободам». Многим памятливы строки Максимилиана Волошина:

- ...не надо ль / Кому земли, республик, да свобод, / Гражданских прав? И родину напород / Сам выволоч на гноище, как падаль.

Такие «свободы», переходящие во вседозволенность и полное отсутствие каких-либо ограничений, приводят к тому, что через какое-то время устанавливается тирания, и от свободы как таковой ничего не остается, как это и случилось в России в 1917 г. и как об этом несколько раз писал Питирим Сорокин в эссе, вошедших в книгу «Заметки социолога»:

- Республика не исключает сильной власти. У нас же не было почти никакой. Снесены были всяческие ограничения свобод. Установлены были такие пределы личных прав человека и гражданина, каких не знала ни одна страна. Принудительная основа общественного порядка заменена была основой, покоящейся на доброй воле, на полной свободе говорить, действовать и поступать, как кому заблагорассудится. [Трагедия революции]
- Массовые аресты, повальные обыски, исключения из службы, самосуды и насилия, надзор и шпионство, ограничения свобод и роспуски дум, запреты и суровые угрозы, закрытия обществ и общин, все это, вплоть до лишения «виновных» хлебных карточек, практикуется новыми «властителями» с неограниченной щедростью. [О чем говорит террор большевиков]

Впрочем, это, по-видимому, универсальная черта любой революции. Снова процитируем «Заметки социолога» Питирима Сорокина — на этот раз о Французской революции:

- Французская революция начала с декларации прав, с полноты свобод и неотъемлемых прав гражданина, кончила консульской конституцией и такими законами о личных правах, которые эти свободы оставляли почти лишь на бумаге. [Возможна ли в России реакция?]

Иногда непосредственный переход от неограниченной свободы к «худшей из тираний» формулируется как следствие некоего общего закона, как в наблюдении Глеба Нержина — персонажа романа Солженицына «В круге первом»:

- Для математика в истории 17 года нет ничего неожиданного. Ведь тангенс при девяноста градусах, взмыв к бесконечности, тут же и рушится в пропасть минус бесконечности. Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний.

Итак, слово *воля* и его производные говорят об отсутствии привычных ограничений и каких бы то ни было норм и правил, тогда как слово *свобода* часто указывает на подчиненность нормам, правилам и ограничениям. Именно поэтому *вольный перевод* предполагает отсутствие ограничений, вытекающих из требования соответствия оригиналу, а *свободное владение языком* вовсе не предполагает игнорирования языковых норм и правил, а напротив указывает на то, что субъект следует этим нормам и правилам, и это не составляет для него труда: правила его не стесняют. *Вольная жизнь* в лесу предполагает отсутствие ограничений со стороны общества и необходимости следовать каким-либо законам, а жизнь в *свободных странах* ориентирована как раз на неуклонное следование законам.

В силу сказанного *свобода* может быть относительной. В частности, возможно высказывание: *Им предоставлялась определенная свобода*. Слово *воля* в таких контекстах невозможно. Поэтому именно в отношении *свободы* возникает вопрос о том, какие ограничения свободы представляются разумными.

4. СВОБОДА И ВОЛЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Не останавливаясь отдельно на истории каждого из слов, входящих в словообразовательные гнезда с вершинами *свобода* и *воля*, обратим внимание на некоторые особенности семантического развития этих слов и его производных в советское и постсоветское время.

Слово *свобода* и его производные регулярно использовались в языке советской пропаганды, характеризуя «свободную» советскую жизнь. В конституции СССР образца 1936 (так называемой «Сталинской конституции») декларировалось, что всем «гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций» (статья 125); правда, указывалось, что эти гарантии даются «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», и тем самым подразумевалось, что, если власти решают, что использование указанных видов свободы не соответствует интересам трудящихся и не служат целям «укрепления социалистического строя», то «свобода» превращается в фикцию. Отдельная статья (124) была посвящена религиозной свободе, которая именовалась в ней «свободой совести». Статья заслуживает того, чтобы привести ее целиком:

- В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Примечательно, что статья признавала «свободу антирелигиозной пропаганды», но не свободу религиозной пропаганды; тем самым миссионерская деятельность с самого начала оказывалась вне закона.

Идеологическая конструкция «свобода в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» восходила к известному тезису Ленина, согласно которому «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Соответственно, подчеркивалось, что осуществление «свободы» всегда происходит в чьих-то интересах и отличие «свободы» в СССР от свободы в западных странах состоит в том, что в СССР она осуществляется «в интересах трудящихся», а в так называемых «капиталистических», или «буржуазных», странах «в интересах кучки богачей». Когда речь шла о «капиталистических» странах, слово «свобода» часто ставилось в кавычки и/или сопровождалось эпитетом «буржуазный» или «буржуазно-демократический». Подчеркивалось, что *свобода* в «буржуазном» понимании враждебна интересам трудящихся и потому неприемлема для советских людей, как в следующем примере из НКРЯ:

- Они хотят открыть форточку для буржуазной «свободы» печати, причем они не видят, что тем самым они оживляют антисоветские элементы, усиливают их напор на диктатуру пролетариата и открывают дорогу для буржуазной «демократии». [И.В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)]

При этом *свобода* оставалась основополагающей ценностью в независимом дискурсе. Название радиостанции «Свобода», вещавшей на Советский Союз через

шум глушителей, было выбрано совершенно не случайно. Тем самым слово **свобода** в целом сохранило и даже укрепило свой положительный ореол к концу коммунистического режима в СССР. Лишь изредка в нонконформистском дискурсе встречалось саркастическое употребление слова **свобода**, как в песне Александра Галича «Я выбираю свободу»:

— Я выбираю Свободу, / И знайте, не я один! / ...И мне говорит «свобода»: / — Ну что ж, — говорит, — одевайтесь, / И пройдемте-ка, гражданин.

Напротив того, слово **воля** в традиционном значении было не характерно для языка советской пропаганды, а его производные, рисуя **привольную** жизнь в Советском Союзе, вообще игнорировали существование Гулага. Показательна известная цитата из песни «Широка страна моя родная...» на слова Василия Лебедева (Кумача): *Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек.*

В речи советских заключенных слово **воля** обозначало весь мир за пределами системы тюрем и концлагерей, и в таком употреблении отразилось традиционное представление о **воле** как о внешнем, постороннем мире, находящемся снаружи. Не случайно слово **воля** в таком значении в основном употреблялось самими заключенными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения»¹⁷. Особое место занимают производные **вольный** и жаргонное **вольняшка**, специфика которых состоит в том, что они обозначали **вольнораемных** сотрудников тюрем и концлагерей в их противопоставлении не только заключенным, но и сотрудникам, находящимся на службе в «органах». Поэтому значение этих слов не эквивалентно значению прилагательного **свободный**¹⁸.

При этом, поскольку, как уже говорилось, в языке советской пропаганды слово **воля** практически не встречалось, при необходимости обозначить «волю» в ее противопоставлении «местам заключения» в официальном дискурсе использовалось слово **свобода**. Так, приговор к заключению в тюрьму или концлагерь официально назывался **лишением свободы**. В 1930-е в «местах заключения» в качестве «средства наглядной агитации» использовались плакаты с лозунгом «На свободу с чистой совестью». Такое словоупотребление изредка проникало и в речь заключенных, но в целом оставалось для них нехарактерным. Следующая

¹⁷ Об этом упоминает А. Вежицкая (Wierzbicka 1997: 145).

¹⁸ В «Раковом корпусе» Солженицына врач Лев Леонидович, сообщивший больному Костоглозову, что побывал там, где вечно пляшут и поют, на вопрос последнего: «И по какой же статье?» — отвечает: *Я — не по статье. Я — вольный был.* В опубликованных переводах этой реплики на иностранные языки не отражена специфика русского слова **вольный** в данном типе употребления (слово прямолинейно переводится словами со значением ‘свободный’).

Ср. два английских и французский переводы:

“They didn’t get me for anything. I was a free man. I just worked there.” [Nicholas Bethell & David Burg]

“No charge. I was a free man.” [Rebecca Frank]

Non, je n’étais pas condamné. J’étais libre. [A. et M. Aucouturier, L. et G. Nivat, J.-P. Sémon]

цитата из воспоминаний Ирины Ратушинской¹⁹ обращает на себя внимание необычностью употребления слова **свобода** вместо ожидаемого **воля**:

- Законный вопрос: что в этой книге — правда, а что — художественный вымысел? Отвечаю сразу: вымыслу в этой книге места нет. У меня бы просто не хватило фантазии. Изменены только некоторые имена — не моих соузниц и не наших палачей, но тех людей, что нам сочувствовали и потихоньку помогали: почти всех уголовников, надзирательниц, некоторых офицеров. Так надо, чтобы с ними не расправился КГБ. По той же причине в нескольких местах изменена хронология событий: тогда невозможно понять, какими все-таки способами мы держали связь со свободой.

«В круге первом»

Здесь уместно остановиться на использовании слов **свобода** и **воля** и их производных в романе Александра Солженицына «В круге первом», в котором противопоставление **свободы** и **воли** играет текстообразующую роль²⁰.

Что касается до слова **вольняшка** и его производных, они использовались в речи заключенных преимущественно в ироническом ключе. Приведем примеры из романа Александра Солженицына «В круге первом»:

- по вольняшечьему недомыслию
- доверчивых лопоухих вольняшек
- Вольняшки не знают цены вещам!
- ...только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней.
- преуспевающих, близоруких, не тертых, не битых вольняшек
- У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках.

Нейтральное слово **вольный** использовалось как относящееся к воле в ее противопоставлении Гулагу: просто *вольные*, а также *вольные служащие*, *вольные сотрудники*, *вольная уборщица*, *вольная девушка*, *вольный дежурный*, *вольная библиотека*, «вольная» одежда и т.п. «Традиционные» употребления (такие как *вольный ветер*) являются в речи заключенных исключениями и тоже могут предполагать иронию, как в следующем высказывании одного из персонажей романа «В круге первом»:

- Честное слово, как будто вольный ветер подул! Пересылки! этапы! лагеря! движение!

На этом фоне в романе выделяется использование слова **вольный** с непосредственной отсылкой к пушкинской эпохе в словах Нержина:

- Вот именно этого вида счастья — мужского вольного лицейского стола, обмена свободными мыслями без боязни, без укрыва — этого счастья ведь не было у нас на воле?

¹⁹ На нее мне указала И.Б. Левонтина.

²⁰ Некоторые наблюдения на этот счет содержатся в моей статье [Шмелев 2013].

Здесь многое обращает на себя внимание: и слово *вольный* в «пушкинском» смысле (предполагающем, едва ли не в первую очередь, *обмен свободными мыслями без боязни*), и особенно то, что такая *вольность* прямо противопоставляется *воле*, поскольку *на воле* она невозможна.

Подлинной, духовной *свободы* на *воле* нет и быть не может. В частности, тюремщики сами несвободны. Отсутствие свободы *на воле* связано с повсеместно господствующим страхом: человек боится лишиться свободы и сам себя ее лишает. Здесь действует общий закон: пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным. Зато в заключении он снова обретает *свободу*, поскольку бояться ему больше нечего:

- особенный тюремный лютей спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти
- ...только в тюрьме, а не на семейной воле, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам!

Но выясняется, что и в тюрьме, а особенно на привилегированной «шарашке», человеку есть что терять. А поскольку кругом стукачи, выясняется, что подлинной свободы нет и здесь. Отсюда недоумение, выраженное (правда, по другому поводу) Пряничковым:

- Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?

Отсутствие подлинной *свободы* уподобляет шарашку *воле*, и не случайно сделанное в романе вскользь замечание о *вольных* условиях шарашки.

Однако оставалась надежда обрести *свободу* хотя бы в каторжном лагере, где терять будет уж точно нечего. Эта надежда была жива и у Нержина, и у Хороброва (обоих отправляли в каторжный лагерь):

- В лагерь он ехал с простодушной радостью, что хоть здесь-то будет говорить от души.
- ...едучи в лагерь, Нержин и сам ощущал, что возвращается к важному элементу мужской свободы: каждое пятое слово ставить матерное.
- В каторжный так в каторжный (...) Может, хоть там свобода слова, стукачей нет.

Здесь обнаружилась другая сторона упомянутого выше закона: да, пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным, но:

- человек, у которого вы отобрали все — уже не подвластен вам, он снова свободен.

Итак, мы видим, что для романа «В круге первом» чрезвычайно важным оказывается различие *воли* и *свободы*. Понятно, что это различие чрезвычайно трудно отразить в переводах на языки, в которых нет лексических средств для разграничения ‘свободы’ и ‘воли’. Показательно, что в английском переводе этого романа, выполненном Г. Виллетсом, выражение *на воле* обычно переводится просто как *outside*, и это можно рассматривать как некоторую попытку передать рассматриваемое разграничение средствами английского языка²¹. Существо раз-

²¹ Как уже говорилось, в английском языке, в отличие, скажем, от французского и немецкого, тоже есть два слова для выражения смысла ‘свобода’, проанализированные А. Вежицкой [Wierzbicka 1997: 129—138]: *freedom* и *liberty*. Однако соотношение между ними и связанные с ними ассоциации совсем иные, нежели у слов *свобода* и *воля*, и поэтому их противопоставление никак не может помочь в передаче противопоставления *свободы* и *воли*.

личия состоит в том, что если *воля* целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению, то *свобода* же по самому своему существу может быть только внутренней.

Впрочем, само понятие «внутренней свободы» в условиях тоталитарного гнета может интерпретироваться по-разному. Возражая Семену Телегину (псевдоним Герцена Копылова), высказавшемуся в том духе, что даже при внешнем подчинении насилию можно сохранять независимость мысли и в этом и заключается внутренняя свобода, Александр Солженицын писал:

- ...если шиш, показываемый тайно в кармане, есть внутренняя свобода, — что же тогда внутреннее рабство? Мы бы все-таки назвали внутренней свободой способность и мыслить и действовать, не завися от внешних пут, а внешней свободой — когда тех пут вовсе нет.

И продолжал, полемизируя с пониманием «внутренней свободы» в статье Телегина:

- А может быть и психиатры института Сербского той же «тройной моралью» живут и гордятся своею «внутренней свободой»?

Разграничение внешней и внутренней свободы оказывается ключевым для неконформистского дискурса советского времени. При этом по отношению к *внешней свободе* остается в силе парадокс, всплывший в споре Вас. Розанова и Владимира Соловьева: внешняя свобода желанна, поскольку мучительна внешняя несвобода, но сама по себе она нужна лишь постольку, поскольку позволяет реализовать наше призвание, вытекающее из *внутренней свободы*. Снова можно цитировать Солженицына:

- Сама по себе безграничная внешняя свобода далеко не спасает нас. Интеллектуальная свобода — очень желанный дар, но как и всякая свобода — дар не самоценный, а — проходной, лишь разумное условие, лишь средство, чтобы мы с его помощью могли бы достичь какой-то другой цели, высшей.

И Солженицын подробно развивает эту мысль:

- Внешняя свобода сама по себе — может ли быть целью сознательно живущих существ? Или она — только форма для осуществления других, высших задач? Мы рождаемся уже существами с внутреннею свободой, свободой воли, свободой выбора, главная часть свободы дана нам уже в рождении. Свобода же внешняя, общественная — очень желательна для нашего неискаженного развития, но не больше как условие, как среда, считать ее целью нашего существования — бессмыслица. Свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной.

Отсюда вывод:

- Главная часть нашей свободы — внутренняя...

Свобода и самоограничение

Тем самым возникает у Солженицына интересное и отчасти парадоксальное сближение свободы и «самостеснения» — прямо вопреки характерному для русской языковой картины мира противопоставлению *свободы* и *тесноты*. Однако

важно, что речь идет не о внешнем притеснении, а именно о добровольном самоограничении, *самостеснении*:

- После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, — вот воистину христианское определение свободы: свобода — это самостеснение! самостеснение — ради других!

Таким образом, общее положение, согласно которому свобода невозможна без каких-то ограничений, дополняется у Солженицына тезисом, что важнее всего *самоограничение*:

- Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку, и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только... если бы только носители их на первом же пороге развития самоограничились, а не доводили бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу.

Само слово *самоограничение* не было изобретено Солженицыным: оно встречалось и ранее у самых разных авторов, хотя обычно не связывалось с понятием *свободы*. Впрочем, идея, что подлинная, духовная свобода реализуется через самоограничение, высказывалась и до Солженицына. Ср. цитату из записных книжек Достоевского:

- Самоограничение и воздержание телесное для свободы духовной, в противоположность материальному обличению, непрерывному и безграничному, приводящему к рабству духа.

Интересно в связи с этим замечание Зинаиды Гиппиус (в статье, опубликованной под псевдонимом Антон Крайний), в котором она прямо противопоставляет *свободе* «свободность», отрицающую всякое самоограничение. Примечательно, что эту «свободность» она видела в Вас. Розанове, который, как мы помним, довольно скептически отзывался о свободе (...разве это то, что нужно человеку?):

- ...слова самого большого «свободника» (в русском смысле), меньше всего «гражданина», — Розанова. Такая «свободность» понятна (...). В Розанове была ее квинтэссенция. Но от нее, в разбавленном виде, еще не отделались никакие русские люди, даже самые «общественные». И принимают эту «свободность» — за свободу. Розанов абсолютно не был способен ни на какое самоограничение. Свободу его «слова» ограничивала заботливая цензура, а вопроса о «свободе правды», которую внешние рамки почти не могут сдерживать, — этого вопроса Розанов бы даже не понял.

Многочисленные примеры из НКРЯ также связывают *свободу* или *освобождение* с самоограничением.

Итак, связь *свободы* с самоограничением, отличающая ее от *воли*, проявляется в том, что человек, получивший свободу, может сам установить себе определенные нормы поведения и следовать им, тогда как человек *на воле* не способен даже к разумному самоограничению.

После статьи Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» мысль о самоограничении как необходимом условии свободы получила популярность и транслируется самыми разными людьми (со ссылкой на Солженицына или без ссылки). Вот цитата из повести Фазиля Искандера «Поэт»:

- Свободный человек — это человек, чуткий к свободе другого и потому непринужденно самоограничивающийся. Это непринужденное самоограничение и есть вещество свободы.

Из интервью Игоря Золотусского:

- Свобода слова зависит от внутренней свободы человека. Подлинная свобода — это самоограничение. Это когда можешь сказать плохому в себе «нет» и лишь хорошему — «да».

5. СВОБОДА И ВОЛЯ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В позднесоветское и постсоветское время, когда Гулаг перестал пронизывать всю жизнь, рассмотренное значение слова *воля* стало сходиться на нет (продолжая, разумеется, использоваться в воспоминаниях, художественной литературе и т.п.); тем самым у слова *воля* актуальными остались только значение ‘желание’ и связанное с ним значение ‘способность добиваться цели’ (*сильная воля*). Что же касается до слова *вольный*, то в последнее время в какой-то степени возродилось его старое значение, восходящее к «пушкинской» эпохе. Так, вновь образованное *Вольное историческое общество* названо так с очевидной отсылкой к словопотреблению пушкинского времени. Прилагательное *вольный* в названии указывает на независимость от насаждаемых в современной России взглядов на историю и связанных с ними ограничений и одновременно содержит коннотацию, характерную для данного типа словоупотребления, — ‘выражающий критическое отношение к власти’.

Заметим, что в постсоветское время в «антилиберальном» дискурсе все чаще стали появляться тексты, ставящие под сомнение *свободу* как безусловную ценность. Впрочем, и в текстах такого рода чаще всего говорится о «ложной свободе», о подделке, об использовании слова *свобода* в манипулятивных целях; слово *свобода* ставится в кавычки. Просто говорить о «ненужности» свободы авторы таких текстов в большинстве случаев все же не решаются. Приведем несколько выдержек из статьи с характерным названием «Это ЛЖИВОЕ слово — СВОБОДА» (<http://nabat-alarm.narod.ru/svoboda.htm>):

- Свобода передвижения на автомобиле без правил дорожного движения (по встречной полосе, например), как правило — приводит к трагическим последствиям. Свобода делать полезные дела или свобода вредительства, свобода объективной информации или свобода лжи и мерзости — все это разные виды свободы. Свобода слова, ставшая свободой обманов, клеветы, оскорблений, насмешек и глумления, в частности, ведет к деформации общественного сознания, к оболваниванию людей, к искажению их представления о действительности, к обидам, конфронтации и даже к реальным войнам с гибелью множества людей.

- «Свободные цены» — наглядный грабёж населения, которое, например, в расплодившихся аптеках вынуждено «свободно» переплачивать вдвое-втрое (наценка 100—200%) за необходимые для жизни и здоровья препараты — т.е. в 2—3 раза больше цены производства лекарства вместе со всеми накладными расходами!
- Свобода внешнеэкономической деятельности, впрочем, спасла народ от повального вымирания, поскольку импорт продуктов наполовину обеспечил население едой; однако эта же свобода содействовала гигантскому ограблению и без того разоренной страны: воровской вывоз ценностей и капитала из России за последние 10 лет оценивается в среднем в полтриллиона долларов.

Мы видим, что слова *свобода* и *свободный* в тексте этой статьи часто ставятся в кавычки, а даже когда кавычек нет, по смыслу очевидно, что автор не считает то, о чем он говорит, подлинной «свободой». Здесь он вполне наследует советской традиции называть мнимыми «буржуазные свободы». Но показательно, что и в таком типе дискурса приходится считаться с положительным ореолом слова *свобода*: «мнимая» свобода противопоставляется свободе подлинной, которая остается важной ценностью.

Итак, как мы убедились, слово *свобода* обладает в русском языке чрезвычайно высоким ценностным статусом, причем в самых разных типах дискурса. В качестве негативно окрашенного это слово может использоваться лишь в абсолютно маргинальных текстах или в составе отдельных устойчивых выражений (таких, как *свобода нравов*). Хотя значение этого слова довольно сложно, однако оно обладает для обычных носителей русского языка некой непосредственной очевидностью. При этом слово *свобода* понимается более или менее одинаково и в обиходном употреблении, и в метафизических контекстах (хотя, разумеется, существуют многочисленные философские спекуляции на тему свободы). Поэтому слово *свобода* заслуженно занимает место ключевого концепта либерального дискурса. Напротив того, слово *воля* имеет ряд ограничений и не столь однозначно положительно окрашено.

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: *СВОБОДА И ВОЛЯ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ*

То, что перевод слов *свобода* и *воля* на языки, в которых нет соответствующего противопоставления, может в определенных случаях вызывать затруднения, понятно само собою (ср. Шмелев 2013: 135). При этом следует учитывать, что иногда давление русского оригинала приводит к тому, что перевод нарушает какие-то не слишком очевидные закономерности языка-рецептора. Так, в «Казаках» Льва Толстого обнаруживаем следующий пример:

- ...совершенно новое для него чувство **свободы от всего прошедшего** охватывало его...

А. Вежбицкая привела этот пример и передала смысл выделенного сочетания как *liberation from the past*, отметив, что перевод **freedom from the past* невозможен (Wierzbicka 1997: 139). Однако в опубликованном переводе Луизы и Эйлмера Мод использовано именно сочетание *quite a new feeling of freedom from his whole past*.

Любопытно, однако, проследить, как слова *свобода* и *воля* употребляются в переводах на русский язык, чем бывает обусловлен выбор переводчика. Исходной точкой анализа может служить положение, согласно которому переводные эквиваленты лингвистической единицы, извлеченные из реальных текстов, могут рассматриваться как источник сведений о ее семантике. Этот подход представляется особенно эффективным, когда мы имеем дело с лингвоспецифичными словами. Переводы на русский язык даже более показательны в этом отношении: появление лингвоспецифичного слова в переводном тексте чаще всего отражает «наивный» выбор слов как часть «естественной» языковой деятельности.

Стандартным переводом для европейских аналогов *свободы* и *воли* служит слово *свобода*. Это отвечает ощущению, эксплицированному целым рядом русских авторов, что именно *свобода* более всего соответствует европейским аналогам. В частности, именно *свобода* регулярно используется в переводах с английского языка как для *freedom*, так и для *liberty* (разумеется, за исключением устойчивого оборота *to take the liberty*, который чаще всего передается как *взять на себя смелость* или *позволить себе*). Появление в переводе слова *воля* оказывается маркированным, так что выявление таких случаев и установление мотивов, которыми предположительно мог руководствоваться переводчик может способствовать проверке и, возможно, уточнению результатов анализа этого слова, проведенного без обращения к параллельным корпусам.

При беглом взгляде на материал параллельных подкорпусов НКРЯ (англо-русского и французско-русского) мы обнаруживаем, что результаты проведенного анализа вполне согласуются с корпусными данными. Так, в переводных текстах о *воле* часто говорится, когда речь идет о том, что кто-то находился в замкнутом пространстве (чаще всего насильно удерживаемый там) и получил возможность оказаться вне этого пространства и идти куда угодно. Характерные обороты — *выйти на волю, вырваться на волю, отпустить на волю, вывести на волю*. Однако детальный анализ использования слов *свобода* и *воля* в переводах — дело будущего.

© А.Д. Шмелев, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М.: Индрик, 2003. С. 73—99. [Arutyunova, N.D. (2003). Russian words for ‘freedom’. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik, 73—99. (In Russ.)]
- Гура А.В. Воля // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 428—230. [Gura, A.V. (1995). A Russian word for ‘freedom’. In *Slavic antiquities: ethnological dictionary*, 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 428—230. (In Russ.)]
- Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. С. 61—64. [Koshelev, A.D. (1991). The concept of freedom explicated. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical Analysis of Language. Cultural Concepts*. Moscow: Nauka, 61—64. (In Russ.)]

- Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // *Славянский и балканский фольклор*. М.: Наука, 1989. С. 23—60. [Toporov, V.N. (1989). The Iranian element in the Russian spiritual culture. In Tolstoi, N.I. (ed.) *Slavic and Balkan folklore*. Moscow: Nauka, 1989, 23—60. (In Russ.)]
- Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. [Toporova, T.V. (1994). *The semantic structure of ancient German world model*. M.: Radiks. (In Russ.)]
- Урысон Е.В. Еще раз о СВОБОДЕ и ВОЛЕ // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арutyunовой*. М.: Языки славянской культуры, 2004а. С. 694—703. [Uryson, E.V. (2004a). SVOBODA and VOLYA revisited. In Apresjan, Ju.D. (ed.) *Hidden meanings. Word. Text. Culture. Festschrift to honor N.D. Arutyunova*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 694—703. (In Russ.)]
- Урысон Е.В. СВОБОДА 1.1, ВОЛЯ 4.1 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. М.: Языки славянской культуры; Wiener slawistischer Almanach, 2004б. С. 1003—1007. [Uryson, E.V. (2004b). Russian words for 'freedom'. In Apresjan, Ju.D. (ed.) *New Explanatory Dictionary of Russian*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach, 1003—1007. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 481—495. [Shmelev, A.D. (1997). Russian lexicon as a reflection of the “Russian soul”. In Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (viewed through the Russian grammar)*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, 481—495. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. «Широта русской души» // *Логический анализ языка: Языки пространств*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357—367. [Shmelev, A.D. (2000). “Broad Russian soul”. In Arutyunova, N.D. & I.B. Levontina (eds) *Logical analysis of language: Languages of space*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 357—367. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М.: Индрик, 2003. С. 54—72. [Shmelev, A.D. (2003). In search of peace and harmony. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik, 54—72. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» // *Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 2007. С. 208—216. [Shmelev, A.D. (2007). The particle *tam* as a marker of an unimportant detail. In M.V. Lyapon (ed.) *Language as a matter of meaning. Festschrift in honor of N.Yu. Shvedova 90th birthday*. Moscow: Azbukovnik, 208—216. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля* // *Солженицынские тетради*. Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. С. 115—135. [Shmelev, A.D. (2013). The historical memory of words in the prose of Aleksandr Solzhenitsyn: The Russian words *mir* and *volia*. *Studying Solzhenitsyn*. Issue 2. Moscow: Russkii put', 115—135. (In Russ.)]
- Milner-Gulland, Robin R. (1997). *The Russians*. Oxford; Malden, MA: Blackwell publishers.
- Offord, Derek (1986). *The Russian Revolutionary Movement in the 1880s*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stockdale, Melissa (1999). The Constitutional Democratic Party. In Geifman, Anna (ed.) *Russia under the last tsar: opposition and subversion, 1894—1917*, Malden, MA: Blackwell Publishers Ltd, 164—169.

Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Wierzbicka, Anna (2006). *English: Meaning and culture*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Yarmolinsky, Avrahm (1956). *Road to Revolution: A Century of Russian Radicalism*. New York: Macmillan.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06 апреля 2018

Дата принятия к печати: 18 мая 2018

Article history:

Received: 06 April 2018

Revised: 14 May 2018

Accepted: 18 May 2018

Для цитирования:

Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 675—700. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

For citation:

Shmelev, Alexei (2018). Russian Words for ‘Freedom’ Revisited. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 675—700. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

Сведения об авторе:

АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЕВ — профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор кафедры теории и истории языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, председатель Орфографической комиссии Российской академии наук. Его научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая культурологию и лингвистику. Он опубликовал множество книг, последняя из которых — «Русская аспектология: в защиту видовой пары» (2015, в соавторстве с Анной Зализняк и Ириной Микаэлян).

Контактная информация: shmelev.alexei@gmail.com

Bionote:

ALEXEI SHMELEV is a Professor of Russian Linguistics at Moscow Pedagogical State University, the head of the Department of Linguistic Standards of Russian at the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences and a Professor of Theoretical Linguistics at St. Tikhon’s Orthodox University. His work spans a number of disciplines including cultural studies and linguistics. He is the author of numerous books, most recently, *Russkaja aspektologija: v zashchitu vidovoj pary* [Russian Aspectology: in Defense of the Aspectual Pair] (2015, co-authored with Anna Zalizniak and Irina Mikaelian).

Contact information: shmelev.alexei@gmail.com